

ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОРИИ ВЕНГЕРСКОГО АЛФЕЛЬДА IX-ГО ВЕКА

Ласло Сегфю

1. История венгерского Алфельда IX-го века (территорий, лежащих между Дунаем и Тиссой, а также и за Тиссой) получила достаточно разноречивые оценки ввиду малого количества источников и трудностей, связанных с интерпретацией сообщаемых ими данных. Одна из групп исследователей полагает, что вся территория Алфельда, включающая и Трансильванию, была занята болгарами,¹ другие считают, что сфера их интересов простиралась лишь на Трансильванию и Южный Алфельд,² есть ученые, которые утверждают, что болгарское господство пошатнулось с образованием Великой Моравии,³ другие же говорят о том, что между моравской и болгарской границами простиралась широкая редконаселенная или же, наоборот, густонаселенная⁴ полоса без какого-либо политического устройства и, наконец, имеются и такие мнения, согласно которым вся территория от реки Гарам до области Бихар и до Нижнего Дуная была моравской.⁵ Различные хронологические соображения придают еще больше оттенков вариантам гипотез.

Со своей стороны мы, нарушая общепринятый способ исследований, выбрали ретроспективный метод анализа: отправляясь от одной легенды, родившейся в связи с обретением венграми родины, и двигаясь вспять, мы попытаемся выяснить, как смотрели на этот вопрос современники, что они знали или могли знать о событиях, а также насколько эти знания и сведения могли соответствовать действительности.

2. Когда наши предки-кочевники своими молниеносными набегами наводили ужас на жителей провинций, расположенных

между Дунаем и Тиссой, и когда они, сметая противника, отчаянными конными приступами завоевывали себе землю, вряд ли кому-нибудь из них могла прийти в голову мысль о том, что их самая блестящая военная победа – завоевание страны Святополка – почти через 1000 лет, будет подвергнута сомнению исторической наукой из-за одного коня. Аргумент на первый взгляд кажется неопровержимым: ведь как об этом свидетельствуют источники, моравский властитель не дожил до обретения венграми родины.

В произведении под названием *Chronicon* аббата Регино под 894 годом записано: "В это время умер (*diem clausit extremum*) Зуендиболд, король моравских славян, считавшийся среди подчиненных мудрым и очень умным мужем, чью страну его сыновья удерживали в руках недолгое время [и навсегда потеряли], ведь венгры в ней все сравнивали с землей."⁶

Это сообщение подтверждается и свидетельством Фулдайских летописей, в которых также под 894 годом стоит следующее: "Звендибалд, князь моравов – это тайное хранилище всякого коварства (*vagina totius perfidiae*), который в жажде человеческой крови обходил все граничащие с его страной провинции, сея раздор хитростью и лукавством (обманом), наконец нечестиво опочил (*diem ultimum clausit infelicitur*), призывая своих любить не мир, а оставаться скорее врагами своих земель."⁷

Из этих кратких сообщений мы не получаем сколько-нибудь точной информации о непосредственной причине смерти Святополка, хотя они позволяют предполагать, что моравский правитель не погиб в кровавой схватке на поле сражения, а закончил свою жизнь "в собственной постели", т.е. так, как об этом рассказывает Константин Багрянородный: "Известно, что правитель Моравии, Святополк, был воином и человеком страшным в глазах соседствующих с ним народов. У одного Святополка было трое сыновей, и перед смертью он разделил свою страну на три части, оставив по одной части каждому и завещав, чтобы первый из них был великим князем, а двое других были бы подчинены старшему. Поучая сыновей, чтобы они не нападали друг на друга, он прибегнул к такому примеру: взял три прута, связал их и дал первому сыну, чтобы он их сломал, и когда тот не смог этого сделать, дал

второму, а потом третьему. После чего он развязал прутья, дал каждому по одному, и по слову отца каждый из братьев легко сломал свой прут. Этим примером он поучал их, говоря: "Если вы не разделитесь и будете жить в любви и понимании, враг не сможет вас ни захватить, ни победить, но если между вами начнется вражда и соперничество и вы разделитесь на три владения, не подчинившись старшему брату, вы и погибнете от руки друг друга, и соседние враги вас уничтожат." Прожив в мире один год после смерти одного Святополка, братья начали ссориться и враждовать, объявили войну друг другу, и пришли тюрки, уничтожили их и заняли страну, в которой живут по сей день. Остатки же народа, рассеявшись, бежали к соседям – к болгарам, туркам, хорватам и другим."⁸

Этот рассказ, не обходящийся без классических реминисценций, не говорит о том, что же произошло со Святополком после раздела им своей империи между сыновьями и до его смерти. Этот пробел позволяет восполнить Космас Прагенсис, который в связи с 894 годом предлагает нам свою, имеющую отношение к данному вопросу, благочестивую версию: "В том же году король Моравии Зуатопах, как об этом повествуется в народе, спрятался, окружив себя войском, и больше нигде не показывался. В это время он по-настоящему раскаялся, увидев, что он поднял оружие на своего господина, повелителя и отца, Арнульфа, поступив незаконно, как бы забыв о вассальном служении; он, который подчинил не только Чехию, но и другие области отчасти до реки Одер, отчасти по направлению к Венгрии до самой реки Гарам, движимый раскаянием под покровом ночи, в тайне ото всех, вскочил на коня и, покинув свою стоянку, ускакал на гору Зобор, где в то время при его поддержке и покровительстве трое отшельников строили церковь в заповедной куще непроходимого леса. Прибыв к лесу, он убил коня в глухом углу, закопал меч в землю и, с восходом солнца, взобрался к отшельникам. Чтобы никто его не узнал, он остриг волосы, надел монашескую одежду и, живя здесь, оставался никому не известным. Когда же он почувствовал приближение смерти, он открылся отшельникам, сказав кто он, и сразу же после этого умер. Сыновья его владели королевством недолго и еще

более несчастливо, чем он: оно стало жертвой отчасти опустошительных набегов венгров, отчасти – восточных немцев, отчасти же все сметающих на своем пути поляков."⁹

Этот мотив осознания бессмысленно прожитой жизни, тяжести греховных поступков, отказа от земных соблазнов, самоуглубленного покаяния не редок в агиографической литературе того времени. Как бы предлагая образец поведения, он не чужд человеческому мышлению, его сознанию. Поэтому не исключена возможность, что и Святополк действительно хотел прожить оставшиеся ему дни отшельником. Однако его покаяние могло продолжаться лишь очень недолго, ведь из источника следует, что его сыновья еще владели отцовским наследием, когда он умер.

В сущности эту историю повторяют с более или менее длинными или короткими вставками и другие произведения на латинском,¹⁰ немецком¹¹ и чешском¹² языках. Дополнительные сведения к ней мы можем почерпнуть лишь из нескольких источников, в одном из которых говорится о том, что Святополк оказался между двух огней – между "Арнульфом со всей Германией" и между "венграми", и потому ему пришлось уйти в отшельники;¹³ другой же автор искренне признается: "сколько лет он жил там, мы знать точно не можем".¹⁴ Еще один (более поздний) автор сообщает, что якобы сына Святополка проклял святой Мефодий, и потому и погибла его страна, которую уже упомянутые народы "насильственно поделили между собой".¹⁵ (Проклятие вряд ли могло иметь место, ведь Мефодий умер уже 6 апреля 885 года.)¹⁶ Однако здесь, когда речь идет о разделе моравской империи, упоминается лишь о двух сыновьях Святополка (*filii eius duo*).¹⁷ Встает вопрос о том, что произошло с третьим сыном и с его частью земли после того, как страна "была поделена на три княжества".¹⁸

3. В свете всего вышесказанного традиционная венгерская версия, которая отлилась в форму т. наз. "легенды о белом коне", на первый взгляд действительно не вызывает большого доверия. Понятно поэтому, что историческое исследование сначала подвергло эту "очень древнюю" и "в своей маловероятности все же представляющую большую историческую ценность" легенду,¹⁹

носящую на себе печать восточного мышления и почти не имеющую европейских параллелей,²⁰ тщательной проверке. Результаты, однако, как бы мы ни старались это сделать, нельзя назвать однозначными. Одни исследователи считали ее "эпической песней, оставшейся в полной неприкосновенности"²¹ со времен обретения родины, "замкнутой эпической песней",²² которая возникла либо по образцу традиционных народных песен,²³ либо – поскольку ее героем является Арпад – "заслуга ее создания принадлежит певцам-сказителям правителя".²⁴ Все же сила этнической связи, как один из ее основных элементов, стала основной частью наивного исторического сознания, строящегося из степной, кочевой символики, из языческих верований, из политического этоса, вызывающего представления о единстве, т.е. той системы взаимозависимостей, определяющей идейное качество джентилизма, которая всему народу внушала мысль об общей исторической судьбе.²⁵ Таким образом это сознание опосредованно стало важной составной частью нашего искусства периода обретения родины, того "мыслительного фона, который трудно было бы назвать бедным".²⁶ "Хранящая память о старинных юридических обычаях достоверная легенда"²⁷ ввела в заблуждение своей примитивной наивностью летописцев XI века,²⁸ которые, несмотря на ее языческий взгляд на вещи, все же записали ее в середине этого столетия.²⁹ Опираясь на это, Анонимус создал свою рационализированную версию легенды,³⁰ а собрание хроник XIV века – свою редакцию.³¹ В то же время некоторые авторы не скрывали своих подозрений в том, что эта история, созданная в венгерской традиции, родилась на основе указаний, имеющихся в произведениях западных авторов (Jordanes, Widukind) или же хотя бы носит на себе черты знакомства с ними.³² Есть ученые, которые считают автора письменной редакции этого эпизода хроники современником Гезы II.³³ Другие, анализируя политическое мышление X–XIII веков, пришли к убеждению, что легенда вряд ли могла быть записана раньше первой трети XIII века;³⁴ есть ученые, которые, предполагая определенное прямое развитие легенды, полагают, что надо считать Анонимуса тем, кто выразил основную идею легенды,³⁵ и, опираясь на неопределенные ссылки Кезаи на этот счет,

пытаются отнести легенду к XIV веку, увидев в ней органическую часть строящейся вокруг имени Святополка³⁶ средневековой эпики.³⁷ Отсутствие единого мнения сказывается и в том, что некоторые считают легенду по происхождению финноугорской,³⁸ другие предполагают заимствование от степных турок,³⁹ третьи же считают ее внутренней по рождению песней X века.⁴⁰ Не приходится удивляться, что более всего заинтересованная в этой теме этнография, которая все более ориентируется в исследованиях нашей древней истории на саматизм, не знает, что делать с легендой, и в новейших своих заключениях либо лишь упоминает о ней,⁴¹ либо вообще ею не занимается.⁴² То же самое мы наблюдаем и в большей части нашей исторической, археологической литературы,⁴³ возможно потому, что эту легенду трудно связать с историей гуннов, относящейся к династии Арпадов.

4. В 28-й главе собрания хроник XIV века рассказывается о том, что Арпад, разбивший свой лагерь в Трансильвании, отправил посла к моравскому властителю Дунайских провинций. Посол Кушид на обратном пути брал землю, траву, воду Дуная из владений Святополка, которые, найдя их богатыми, венгерские полководцы решили получить. Затем, на основе общего соглашения, венгры снова отправили того же посла к упомянутому властителю и за его землю послали ему белого коня с седлом, украшенным арабским золотом, и с позолоченной сбруей (*equum album et magnum cum sella deaurata auro Arabie et freno deaurato miserunt pro terra sua*). Увидев это, властитель еще более возрадовался, потому что подумал, что подарок за землю венгры послали ему в качестве гостей-поселенцев. Посол, значит, просил там землю, траву и воду у властителя. Властитель же с улыбкой отвечал: за подарок все ваше, сколько хотите. И с тем посол вернулся к своим. Арпад же в это время вошел в Паннонию с семьей вождей, но вошел не как гость (*gospites*), а как владелец земли по праву наследия (*terram iure hereditario possidentes*). Тогда они послали к властителю другого посла и поручили ему передать следующее: Арпад и его народ говорит тебе, что на этой земле, которую они откупили у тебя, не оставайся дальше, ибо земля куплена у тебя за коня, трава – за сбрую, вода – за седло. Ты же сам, будучи

мелочным и жадным, отдал им в вечное пользование землю, траву и воду. Когда властителю передали это сообщение, он, улыбаясь, сказал так: "Убейте дубинкой коня (*equum illum malleo ligo interficiant*), сбрую киньте на поле, позолоченное седло бросьте в Дунай." Затем "властитель быстро собрал войско, боясь венгров, попросил помощи у друзей и, соединившись с ними, вышел навстречу венграм. Те же в это время подошли к Дунаю и на прекрасном поле на восходе солнца начали битву. Бог был в помощь венграм, бежал от них упомянутый властитель. Венгры преследовали его до Дуная, он же в страхе бросился в Дунай и захлебнулся в его волнах".⁴⁴

Венгерская легенда не может происходить от Иордана, т.к. у него речь идет о выкупе за жертвенного коня душ, попавших в рабство в загробном мире,⁴⁵ она скорее может быть связана с легендой Лехеля. Видукинд также не может быть ее праисточником, т.к. белый конь – центральный персонаж венгерской легенды – в его произведении не фигурирует,⁴⁶ да и в арабских легендах его тоже нет.⁴⁷ Таким образом, мы не находим европейских параллелей к этой нашей самой законченной из говорящих об обретении венграми родины легенд.⁴⁸

В известной нам форме этот рассказ – согласно исследованиям – является "обманной покупкой страны".⁴⁹ Наши предки "в духе степной дипломатии мирным путем пробовали получить во владение эту территорию".⁵⁰ В последнее время возникла мысль о том, что автору хроники уже не было ясно истинное значение записанного им эпизода.⁵¹ В передаче коня, украшенного золотой сбруей – согласно этому – видели какое-то "признание вассального состояния", "обряд, имеющий характер приобщения к власти", или же во всяком случае усматривали в этом дипломатическое одаривание, принятое среди равноправных.⁵² Из этой легенды думали вычитать нечто вроде истории о заключении невысказанного или лишь латентно сформулированного договора между равноправными или находящимися в вассальных отношениях сторонами: "По этой наивной легенде... новейшие исследования установили, что заключение договора происходило с использованием элементов ритуала кочевников. Ведь дело в том, что и оногур-

ско-болгарский хан, Ормуртаг в 815 г. заключил мир с византийским императором Львом V по болгарскому обычаю, и этот обычай был описан. Болгарский ритуал состоял в том, что стороны должны были отведать крови рассеченной надвое собаки, затем император опрокидывал на землю кубок воды, переворачивал седло, прикасался к узде и поднимал с земли пучок травы. О том, что и венгры таким же образом заключали договоры, свидетельствует письмо зальцбургского архиепископа, Теотмара, написанное в 900 году. Согласно всему этому за легендой о белом коне скрывается признание, что в 894 г. теснимый франками и болгарями моравский властитель Святополк заключал союз с венграми по оногурскому образцу с использованием таких реквизитов клятвы, как рассеченная надвое собака, вода, седло, узда и трава.⁵³ Предположение, подсказанное данной параллелью, стало общепринятым.⁵⁴

Если разбить на элементы вышеупомянутый болгарский обряд, в нем можно выделить три не всегда непременно сопутствующие друг другу части: 1. кровный союз (питье крови), 2. обряд передачи земли, связанный с конем, 3. рассечение собаки. Однако, заключение договора описано не очевидцем, либо же с течением времени текст был испорчен, о чем можно судить на основе отрывка, повествующего о подобном же заключении мира в биографии св. Людовика, французского короля, составленной Joinville-м. С этим эпизодом мы и сличали текст. Когда византийский латинский император заключал союз с половцами против никейского императора Вататзеса, половцы "... для того, чтобы верно помогать друг другу, пожелали, чтобы император и другое знатное лицо поранили бы себя и смешали бы свою кровь в большом серебряном кубке. И король половцев и другое знатное лицо из них сделали так: их кровь слили с кровью наших людей, смешали с вином и с водой, и они отведали, и наши люди тоже пили; и говорили тогда, что они стали кровными братьями. Затем же привели собаку и поставили между нашими и их людьми, и вместе с нашими людьми они мечами разрубили ее; и говорили, что пусть и они будут так же разрублены на куски, если обманут друг друга."⁵⁵ Таким образом можно считать несомненным, что

стороны пили не собачью кровь, а кровь друг друга. Рассечение на куски собаки символично означает "анафему, проклятие в христианских клятвенных текстах, которое вступает в силу, когда клятва нарушается".⁵⁶ Родственные нам народы, например, – согласно записи от 1484 г. – давали клятву над медвежьей шкурой и своими мечами рассекали ель, говоря: кто нарушит клятву, того небесные силы пусть так же накажут.⁵⁷ Однако, когда венгры заключали договор с баварцами или с моравами и клялись "собакой или волком или другими безбожными или языческими вещами", как описывает это Теотмар,⁵⁸ там никакой роли не играл никакой белый (или не белый) конь.

Анонимус запечатлел заключение кровного союза среди венгерских племенных вождей при обретении родины: "каждый приносил присягу, лил свою кровь по языческому обычаю в специальный кубок." Заявление же о том, что "должна быть пролита кровь изменника", позволяет предположить, что не обошлось при этом и без рассечения собаки. Но (белый) конь и здесь не фигурирует.⁵⁹

Присутствие нарядно убранного коня может быть отмечено только при заключении договоров о передаче конкретной территории, во всех других случаях мы можем говорить лишь о кровном союзе и о разрублении собаки или волка. В венгерской же легенде о белом коне получила место лишь та часть, которая говорит о передаче территории, два же других элемента отсутствуют. Чем можно объяснить такую неполноту?

5. При заключении византийско-болгарского союза обе договаривающиеся стороны – император Лев V и болгарский каган Омуртаг – присутствовали лично, принимали участие в ритуальном действии, подобно тому, как это было с латинским императором Балдуином II и князем половцев при соглашении, о котором рассказывает Joinville. Но не так обстоит дело в сюжете венгерской легенды. Ключ к решению – по нашему мнению – белый конь, вернее белый цвет коня. Дело в том, что этот цвет обладает особой ролью в мистике цветов как у венгров, так и у других родственных нам народов, а также и у народов, ранее находящихся с нами в связи.

Вогулы молятся "белому божеству, проходящему по семи границам творения", буряты называют духов предков "белоберезовыми господами", духи у удмуртов тоже "одеты в белые платья", "в белые рубахи и штаны старцы". Белый волк – демоническое существо, хранитель домашнего очага – белый змей. У наших родственников, живущих на Оби, бог-предок сидит на самом верхнем небе на молочно-белом троне, его жена – "белая госпожа", которая может быть связана с нашими представлениями XI в. о красивой женщине.

Шаман, поддерживающий связь с духами, также отправляется в загробный мир на "белоснежном коне", т.е. на барабане из кожи белого жеребенка, и совершает гадальные, жертвенные, заклинательные, вызывающие духов обряды с помощью предметов из березы перед "семиветвевой святой березой" или же перед белыми идолами, сделанными из белой березы, покрывалом которых служит шкура белого оленя.

Место захоронения предков, рощи для жертвоприношений также часто наделяли определением "белый". Не исключено, что на это же указывают и некоторые древние названия наших мест – Белая церковь (предполагаемая могила Арпада), Белый град (место захоронения Св. Иштвана), Шар (могила Шамуэля Аба), Сегсард (могила Белы I) – которые говорят о том, что здесь покоятся тела известных героев, в то время как их души отправились по означенному как "белый путь" или "млечный путь" "пути сражений" в загробное странствие.

Животное, предназначенное в жертву "небесному отцу" – белая лошадь или олень, реже – баран. Если не было под рукой белых животных, то приносимых в жертву отмечали белым платком или лентами, чтобы древняя печать принадлежности обязательно была на них. В наших народных обрядах белая лошадь, в которую переселилась душа умершего, играет значительную роль. Жители области Секей считают родство по "белой лошади". Но она используется и для предсказания (*hippomanteia*) браков, бед, смерти. Кое-где при клятвах наступают на череп белой лошади, и ей отведена роль в обряде, связанном с рождением ребенка. Многочисленные пословицы указывают на старинную

сакральную функцию белой лошади, напр., "его лягнула белая лошадь" (= он умер), "правду привозят на белой лошади" (= смерть не разбирает) и т.д.

Белый цвет, значит, заранее говорит о предназначении к тому, чтобы животное в загробном мире пополнило стада предков, которые там пасут "белых оленей", "белоснежных жеребят". И в наших сказках лошадь мертвого молодца – "белоснежная", герой разыгрывающегося в загробном мире действия странствует "на белой лошади в сопровождении белой собаки", по народным верованиям "смерть ездит на белой лошади", души умерших везет "белая лошадь" и "Бог любит белую лошадь". Вогулы также полагают, что "белая лошадь" – это "лошадь Бога", или "лошадь духа идола", "скакун Numi Torem".⁶⁰

Белый цвет, значит, является декларативным цветом душ умерших, духов предков, могущественных духов загробного мира, животные же, имеющие белый цвет, заранее предназначены для жертвоприношения им. Поэтому мы считаем, что белого коня из легенды также предназначали не живому человеку, а духу ранее умершего вождя.

6. В памятниках венгерской письменности осталось множество документов о "вспрыскивании" удачи, которое, очевидно, в начале всегда сопровождалось "закланием коней", и наши археологи раскрыли множество могил эпохи обретения родины, которые свидетельствуют о ритуальном заклании коней при захоронениях наших предков.⁶¹

Стоит отметить, что Анонимус великодушно одаривает конями своих героев. Киевские и суздальские князья посылают Алмашу "тысячу лошадей с украшенными по-русски седлами и сбруей (*mille equos cum sellis et frenis more Ruthenico ornatis*)", господин Ладомерии послал "триста лошадей с седлами и уздами (*CCC equos cum sellis et frenis*)", галичский же князь послал "десять отличных арабских скакунов и триста других лошадей с седлами и сбруей (*X farisios optimos et CCC equos cum sellis et frenis*)".⁶² Здесь, однако, цвет лошадей не имеет значения. Совсем другое положение было, когда Арпад послал 12 лошадей Шалану: они были белыми (*misit ei XII albos equos*), что позднее не упускает подчерки-

вать венгерский вождь (*pro pretio ei misimus XII albos equos*).⁶³ Таким же образом поступил Арпад – по представлению мастера П. – и с Менмаротом, которому он послал такой же подарок, как раньше Шалану (*misit ei donaria sua, sicut primo miserat Salano duci*).⁶⁴ Свод хроник XIV века также говорит о белой лошади,⁶⁵ но об этом же повествует и Пожоньская Хроника (*equum album*),⁶⁶ и даже немецко-язычная хроника Мюгельна (*rosze, daz waz grosz und weyz*).⁶⁷

Мы располагаем и другими данными о приношении в дар белой лошади. Посольство короля Белы II в 1134 г. послало к немецкому императору "Петра, епископа фехерварского" (Фехервар = Белый град [sic]!), и в подарок отправило с ним "двух снаряженных белых коней, одно седло которых содержало 26 золотых марок".⁶⁸ Родители умершего в Париже дьяка Бетлехема монастырю Св. Женеьевы "щедро предложили в дар и белую лошадь" за спасение души своего сына.⁶⁹ Документ от 1383 г. свидетельствует о том, что наследник выкупил эту лошадь за деньги у монастыря и на ней отправил в последний путь прах оставившего наследство.⁷⁰ Имеются также данные о подобной роли дара лошади, относящиеся к XVI–XVIII вв., а также и в позднее записанных народных сказках.⁷¹

Мы считаем необходимым отметить, что лошадь, приносимую в дар, нельзя было перед этим использовать, значит – хотя она была снаряжена седлом и сбруей – она должна была быть необъезженным, чистым животным.⁷² Для чего же нужно было снаряжение? Золоченое снаряжение, как мы это уже видели в случае дара Белы Слепого, должно было выразить равноправие сторон. Раскопки многих захоронений аварских вождей или находки из могилы гепидского князя в Мадараше доказывают это.⁷³ И подтверждает это и живший в XVI веке Махмуд Терджюман, который, хорошо зная турецкие вассальные обычаи, в своем произведении пишет о том, что Святоколку, который должен был быть покорен, была послана белая лошадь всего лишь "с серебряным седлом."⁷⁴

Снаряженную белую лошадь предназначали в качестве выкупа за выбранную территорию, следовательно, согласно древнему венгерскому обычаю купли-продажи с ней вместе

полагалось давать снаряжение.⁷⁵ Полагалось богатое снаряжение и жертвенным лошадям умерших, как об этом свидетельствуют уже указанные аварские, гепидские или венгерские находки или положенное в могилу Аттілы "лошадиное снаряжение, блистающее разными драгоценными камнями."⁷⁶

7. Легенда о белом коне значительно отличается от общепринятого (и уже у Аристотеля рассматриваемого как соответствующий скифским обычаям знак преклонения) обряда собственно-ручной передачи земли и воды (иногда травы).⁷⁷ Традиции завладения силой плодородия у родственных нам народов являются тому хорошим примером: в скудное время сначала высматривалась плодородная территория, находящаяся в руках какого-либо соседнего сообщества, затем оттуда в тайне добывалась земля, трава (колосья) и вода, чтобы тем самым завладеть духом плодородия этой земли. После этого – иногда даже и после военных столкновений – похищенное "плодородие" выкупалось и явно.⁷⁸ Венгерская легенда по своему построению сходна с этой традицией: Кушид сначала, исполняя миссию посла, тайно добывает землю, траву и воду Святополка, а затем уже те же блага добываются официально за коня.⁷⁹ Разница только в том, что легенду, указывающую на типично земледельческие обычаи, наши предки переделали, сообразуясь со своим животноводческим образом жизни. (Это не является единичным явлением, ведь, по всей вероятности, Св. Иштван запрещал рассказывать в деревнях в первую очередь сказки, типа "Сын белого коня", относящиеся к земледельческому образу жизни.)⁸⁰

В истории обман заключается в том, что моравский предводитель обольщает себя надеждой на то, что вышеупомянутый конь предназначается в подарок ему лично, в то время как он был предназначен предку – основателю империи. Приняв дар, законный наследник, как бы представляя этого предка, принял плату за землю, и тем самым договор вступил в силу. Однако, он осознал это лишь тогда, когда венгерский посол предупредил его. Тогда он сам приказывает отдать "выкуп" тому, кому он законно принадлежит, т.е. убить белого коня деревянной дубинкой, предназначенный для умерщвления жертвенных животных (*equum illum*

malleo ligneo interficiant;⁸¹ при жертвоприношениях было запрещено применять металлические предметы), принести ее в жертву предку, а также и снаряжение предать тлению. Этим действием, сопровождаемым отрицательным ответом, была фактически объявлена война венграм. (Не исключено, что хитрый венгерский посол, который представил жертвоприношение коня излишним, хотел получить еще больше преимуществ, ведь предок должен был страшно рассердиться на своего потомка, если бы тот не отдал ему того, что ему полагалось). Значит, этот ведущий переговоры с венграми, а затем готовящийся к битве с ними предводитель никак не мог быть самим Святополком.

Он не мог быть им, т.к. из вышесказанного вытекает, что венгры считали Святополка предком-владельцем, хозяином данной земли. Это выясняется из рассказа Константина, возкикшего около 950 г.⁸² (если информатором был венгр), но и венгерская хроника говорит в связи с Маротом, что Святополк, "его сын, был новым правителем" (*fillius vero in dominando novus erat*).⁸³ К тому же выводу приходит и зальцбургский архиепископ Теотмар, когда в 900 г. пишет о том, что папа послал ученика Мефодия Вихинга к такому новому в вере народу, который был обуздан Святополком в битве и обращен им в христианскую веру.⁸⁴ Если это было так, то на данной территории никогда не господствовали Моймир I и Рагислав; это земля была владением Святополка и только его.

За последние двадцать лет во многих исследованиях получила распространение версия о том, что фигурирующая в исторических источниках Великая Моравия (*Megalé Morávia*) в южной части Алфельда простиралась по обоим рекам Кереш, а также по рекам Марош, Темеш, Тисса и Дунай, вклинивалась в междуречье Савы и около Серема (Сирмиум; Сремска Митровица) подходила к Саве.⁸⁵ (В основном, значит, она совпадала с названной Анонимусом империей Шалана.)⁸⁶ Об ее истории нам известно немного: после распада аварской империи, здесь, очевидно, образовался слабо связанный конгломерат принадлежащих разным народностям и организованных по принципу большинства земель. На эти территории могли претендовать как болгары, так и франки.

8. Организация этой территории, следовательно, как в византийской и франкской, так и в венгерской традиции связывается с именем двоюродного брата моравского предводителя Растислава – Святополка. Когда же и как это могло произойти – об этом мы можем строить лишь гипотезы.

Раздор между аvarами и франками в 788 году вынудил Карла Великого пойти на окончательную расправу с опасными восточными соседями, и поэтому он в 791 году начал поход против Аварии сразу в трех направлениях, однако из-за начавшегося таинственного падежа лошадей войска дошли лишь до Рабы. Значительных успехов франки добились лишь тогда, когда среди аvarов началась гражданская война, в которой погибли их вожди и многие из знати. Во время этого внутреннего раздора резиденцию каганата разграбили сначала граф Эрик Фриаульский и славянский князь Войномир в 795 г., а затем через год прибывший на покорение аvarской империи итальянский король Пиппин. Франки – согласно не свободному от преувеличений рассказу их летописцев – взяли под свою власть Норикум и Паннонию, междуречье Дуная и Тиссы разгромили и выгнали оттуда население, аvarов же, еще оказывавших сопротивление, прогнали за Тиссу.⁸⁷ На самом же деле аvarы еще и между 797 и 802 гг. наносили баварским войскам тяжелые удары, и лишь в 803 году, когда армия франков вернулась в Регенсбург после незначительного похода, аvarская знать объявила здесь о том, что они спешно подчиняются императору. Тому могла быть лишь одна причина: именно в это время против аvarских владений начал свое выступление болгарский хан Крум.⁸⁸

Целью этой военной операции было занятие территорий вдоль рек Марош и Дунай, представлявших собой лучший в то время путь доставки соли из южно-трансильванских соляных копей. Богатый болгарский археологический материал из этого чрезвычайно важного в экономическом отношении края между Марошкарной и Чомбордом доказывает наличие здесь и болгарского населения. Болгарские памятники, разбросанные вдоль упомянутого пути доставки соли, могут указывать и на вероятность военного завоевания,⁸⁹ но все же в той массе, которая населяла Южный Алфельд, мы должны в первую очередь считаться с

народностью, археологическое наследие которой отличается от материала, обычно называемого славянским или болгарским.⁹⁰

Письменные памятники также свидетельствуют о том, что в данных областях не могло иметь место настоящее покорение, ведь в 818 г. славянские племена, жившие по болгарским рекам Тимок и Морава – тимочане и преденецентуши – или под другим названием абодриты, восстав против своих господ, "переселились к границам франков", т.е. на территорию будущей Великой Моравии. Осев здесь, они обратились за помощью к германско-римскому императору Людовику Кроткому, чтобы иметь возможность защитить себя от нападений болгар, а взамен приняли вассальную зависимость от него и посылали ему каждый год подарки.⁹¹ Это впоследствии стало источником франко-болгарских раздоров, продолжавшихся десятилетиями. Военной помощи франков, на которую рассчитывали абодриты – после безрезультатно тянувшихся франко-болгарских переговоров о границах – они не получили, и поэтому когда войско хана Омуртага около 826 г. выступило против них, они должны были подчиниться власти болгар. После того, как болгары, плывя по Драве, в 827 г. вторглись и в Паннонию франков, опустошили территории "огнем и мечом", заменили местных начальников болгарскими военными и принудили побежденных платить дань, франки долгое время были вынуждены лишь обороняться. В конце концов в 832 г. было принято соглашение о разделе сфер влияний, которое несколько раз возобновлялось.⁹²

Болгары же и после укрепления их власти не заняли южную часть Карпатского бассейна, в строгом смысле они, по всей вероятности, преследовали целью лишь обеспечить за собой территорию добычи соли и путь ее доставки, и если даже прибавить к этому охранную зону, их господство не могло простирается за обе реки Кереш. На регионы, находящиеся к северу, которые баварский географ IX в. называет "провинциями с неизмеримым болгарским распространением и густым населением",⁹³ их власть распространялась лишь формально (номинально). На этих территориях едва ли могла в начале 820-ых годов образоваться та Моравия, в которой правил Моймир I и народы которой зальцбургский

архиепископ Адалрам и пассаунтский епископ Регинхариус обращают и крестят уже около 830 г.⁹⁴ Ко времени образования Святополком Великой Моравии – по свидетельству Константина Багрянородного – ее народы – еще язычники,⁹⁵ и именно он принуждает их принять христианство,⁹⁶ что и происходит около 870 г., ведь Джайхани уже считает их христианами.⁹⁷

Таким образом, кажется, что области по обоим берегам рек Кереш, по Марошу, Темешу и Тиссе, на которые локализует Великую Моравию византийский император,⁹⁸ находятся в руках болгар и в четвертом и в пятом десятилетиях IX века, хотя встречающееся как в грамотах франков, так и в вердунском соглашении "*terra Avarorum et Hunnorum*", вероятно, отражает правовое притязание франков на весь Карпатский бассейн.⁹⁹

Указанная территория вновь привлекает к себе внимание, когда князь северной Моравии Растислав I – назначенный на место мятежного Моймира I еще в 846 г. самим Людовиком Германским – отделился от франков и с помощью болгар – которые в 852 г. в Майнце не могли добиться через своих послов франко-болгарского мира – с 853 г. начал успешно бороться против них. Нападения посланных против него экспедиционных войск не приносили результатов, и даже армия, руководимая лично правителем, не могла добиться каких-либо значительных успехов (855). Поэтому он сместил, обвинив в предательстве, маркграфа Ратболда и назначил на его место своего сына, Карлманна (856).¹⁰⁰

Болгаро-моравский союз нарушал интересы как Византии, так и франков, поэтому они понуждали сербов и хорватов к выступлению против болгар. Таким образом Византия освобождалась от бремени, император же франков мог свободно выступить против моравов.¹⁰¹ Тогда стало очевидным, что восточные пограничные княжества, находящиеся в клещах между болгарами и моравами, постоянно подвергаются опасности, и поэтому целесообразно создать буферное государство у болгарских границ. Очевидно для этого создались наиболее благоприятные условия в 858 г., когда Людовик Германский привел в движение сразу три армии для стабилизации границ. Не исключено, что одна из них выступила как раз против тимочан и абодритов, называемых иначе предене-

центушами,¹⁰² в результате чего и образовалась Великая Моравия. Это представление поддерживают и те источники, которые указывают на то, что образованию империи Святополка сопутствовало вооруженное выступление.¹⁰³ Ведь Святополк воспитывался при дворе франков и, как об этом свидетельствуют его позднейшие действия, был в очень хороших отношениях с Карлманном.¹⁰⁴ Его личность как нельзя более подходила для того, чтобы сделать указанные территории верными императору Людовику Германскому, ведь сам он, не будучи франком, мог вызвать меньше подозрений у болгар, а с другой стороны его славянство могло вызвать симпатию в кругах большого количества славян, поселившихся среди аваров на территории южного Алфельда. Однако, если бы это покорение произошло с помощью оружия, невозможно было бы представить себе, чтобы болгары не ответили на удар, но об этом нет никаких сведений. Каким же образом эта территория все же оказалась под властью франков?

Праисточник тех отрывков легенд, которые, хотя бы касаясь данной темы, сохранились в источниках, указывает на данную территорию. Константин рассказывает о хитром завоевании Далматии южно-алфельдскими аварами, но в то же время в истории об основании Венеции несколько раз называет Аттилу аварским королем, в то время как в связи с жившими здесь славянами он говорит лишь об их "старых жупанах".¹⁰⁵ Таким образом, возможно была жива связь между алфельдскими и далматийскими аварами, и не исключено, что именно поэтому более поздний венецианский источник называет повелителя Великой Моравии Святополка и далматийским королем.¹⁰⁶

Согласно венгерской хроникальной традиции над болгарами и месснанами – это название соответствует моесийцам в источниках¹⁰⁷ – также господствовал Святополк,¹⁰⁸ однако согласно ей ранее Аттила женился на дочери тогдашнего властителя этой территории,¹⁰⁹ а т.наз. история гуннов перемешивается с событиями аварского периода.¹¹⁰ Такой взгляд отражается и на изображении более поздних событий, ведь даже и Кеант, бывший правитель юго-восточных провинций Карпатского бассейна в X в., награжден титулом "*dux Bulgarorum et Sclavorum*".¹¹¹ Анонимус же считает

Кеанта болгарским властителем в Гестае и предком властителя Шалана, который подчинил своей власти весь Алфельд и поселил здесь болгар и славян.¹¹² Потомок же его при дипломатической и военной помощи болгар пытался остановить нападение венгров,¹¹³ которые под руководством Алмоша "по праву наследия, перешедшего к нему от его предка, короля Аттилы", требовали себе территории.¹¹⁴ Другой южно-алфельдский вождь, Глад, предок Айтони, тоже считается потомком Видина, а также тем, кто воевал с помощью болгар.¹¹⁵

Возможно, на это событие, на приписываемое самому Святополку (на самом же деле все происходило под эгидой франков) завоевание страны, могут указывать слова позднего источника, относящиеся к победе над жившими здесь оногурами: "Панноны же, которые тогда жили в Паннонии, все были римскими пастухами, и десять сильных королей господствовали над ними везде в Моесии и в Паннонии." (И в этом произведении к этому замечанию присоединено имя Аттилы, только он назван венгерским вождем.)¹¹⁶ Другие источники также говорят о том, что здесь жили "римские пастухи", были "римские пастбища", а также и о том, что после Аттилы здесь господствовали¹¹⁷ "principes Romanorum" (правда, только до Дуная), и что сюда они поселили своих пастухов.¹¹⁸

Этой же территории касается и сообщение зальцбургского архиепископа Теотмара, согласно которому епископа Вихинга (монаха паннонского архиепископа сирмиумской резиденции Св. Мефодия) папа "послал к новому в вере народу, который Святополк покорил в бою и добился, чтобы он стал из языческого христианским." Для нас, возможно, не безразлично и то, что этот народ назван в *Conversio Baguariorum* гуннами (а не аvaraми), которые сменили славян в Карпатском бассейне.¹¹⁹ Согласно же венгерским хроникам прошли десятилетия от заката власти гуннов до выступления Святополка.¹²⁰ Если под гуннами – согласно вышеуказанному – понимать аваров, то Святополк пришел к власти примерно в 858–860 гг., через десять лет после распада еще считавшейся самостоятельной в вердунском соглашении Аварии.

Однако, опять же остается не решенным вопрос: как он пришел к власти на этой территории?

Симеон Кезайский после рассказа об истории гуннов пишет следующее: "В конце концов выступил один польский князь, Святополк, сын Марота, который, подчинив себе Бракту (*Bracta subiugando*), господствовал над болгарами и мессианами, и таким же образом начал править в Паннонии после гибели гуннов".¹²¹ В сущности, то же самое можно найти и в собрании хроник XIV в.¹²² Принятая в кругах филологов гипотеза, ссылающаяся на роман Александра Великого, отождествляет название Бракта с Бактрией¹²³ (существовала когда-то на территории теперешнего Афганистана), но в данном эпизоде это, по нашему мнению, совершенно невозможно, и даже ни одно из мест, с которыми можно было бы считаться по сходству звучания,¹²⁴ не может быть принято, т.к. указанную Бракту нужно искать где-то на границах между тогдашней Моесией и Паннонией.¹²⁵ Возможно, опорным пунктом могло бы послужить встречающееся в вышеприведенной истории словосочетание "*rex Waractanorum*",¹²⁶ которое можно связать с локализованным в Западном Задунайском крае старинным названием народа "*marcha Wangariorum*",¹²⁷ либо можно было бы принять во внимание тот факт, что арабские путешественники того времени писали название Болгарии как *Barquārun*.¹²⁸ Указанное название можно было бы считать искажением одного из этих написаний, если бы филология могла это доказать.

Интересно, однако, посмотреть, в каких случаях это название фигурирует в источниках. Кезайский еще считает, что Св. Урсула была дочерью короля британцев,¹²⁹ но в некоторых вариантах хроник британцы уже превращаются в брактанов.¹³⁰ Интересным дополнением можно считать указание, (напр., встречающееся в польско-венгерских хрониках) на то, что Аттила просил руки Урсулы, которая ему, разумеется, отказала.¹³¹ Проявляется это название и в описании смерти Аттилы, который, по всей вероятности, женился на дочери Миколта, короля брактанов.¹³² Невозможно не заметить, что эта "страна" или этот "народ" попадает в хроники всегда в связи с планом заключения брака или его реализацией. Что же мы предполагаем? Что в оригинале

легенды фигурировало славянское слово брак (бракъ),¹³³ и из него позднейший переводчик создал название страны или народа.

В хрониках Святополка называют поляком по происхождению, что, конечно, ошибочно, но это доказывает, что в Южном Алфельде знали о том, что он не местный уроженец, а пришел с севера. Его же настоящее происхождение (моравец), став именем собственным, попало в эти источники в качестве имени его предка – Марот.¹³⁴

Имея в виду все сказанное, может быть не будет слишком большой дерзостью предположить, что непосредственно перед обретением венграми родины в южной части Карпатского бассейна и в находящейся с ним в тесных культурных связях Далматии начался процесс рождения легенды большого формата, (считающейся теперь аварской или оногурской), формировавшейся вокруг личности Атилы и спрессовывающей огромный исторический материал. Легенда воспевала дела короля (гуннов) и его народа, но в то же время острие ее было направлено против Святополка, считавшегося узурпатором власти. Не исключено также, что певцы-сказители уже тогда отливали в форму легенды свои надежды на возвращение наследника Атилы "королевича Чабы". В этом собрании легенд, возможно, был эпизод из истории Святополка, который каким-то образом (пользуясь языком легенд и сказок) – "получил руку дочери местного властелина (болгарского или аварского кагана) и с ней полцарства." О том, что эта легенда могла быть только местного происхождения, свидетельствует то, что в наиболее популярном среди венгров рассказе (истории о белом коне) владельцем земли до обретения венграми родины считался Святополк.¹³⁵ В то же время эти легенды, собранные в своих интересах епископом пассауанским Пилигримом, с его помощью попав на запад, стали органической частью образовавшегося эпоса, и, описав круг, снова вернулись к нам.¹³⁶

Следовательно, получение страны Святополком путем женитьбы могло иметь место около 858–860 гг. Новый правитель, использовав мятеж князя Карлманна против своего отца, быстро стал самостоятельным и около 862 г. вместе с Рагиславом отправил послов к византийскому императору Михаилу III просить

·миссионеров.¹³⁷ Эта попытка раскола побудила Людовика Германского, очевидно настраиваемого церковью, принять в 863 г. решение заключить союз с затронутыми этими событиями болгарами и напасть на моравцев.¹³⁸ Причиной тому, что эта акция – во всяком случае на первый взгляд – не принесла франкам значительных успехов, очевидно, было то, что Святополк, обладавший удивительным дипломатическим чутьем, и в дальнейшем взял на себя обязанности вассала по отношению к болгарам.

В это время прибывшие на моравскую землю Кирилл и Мефодий, которые 3 года распространяли здесь свое учение, отправились сначала в Византию, а затем в 867 г. в Рим.¹³⁹ Как известно, в вечном городе Св. Кирилл 14 февраля 869 г. скончался. Папа рекомендовал Мефодия, собиравшегося возвратиться в Карпатский бассейн, трем – очевидно еще независимым друг от друга – моравским князьям: Ростиславу, Святополку и Коцелю, а вскоре после этого посвятил его в архиепископы Паннонии.¹⁴⁰ Этот шаг Адрианна II глубоко задел интересы немецкого духовенства, и не исключено, что именно они подговорили Людовика Германского раз и навсегда покончить со славянами. Император послал своего сына Людовика во главе тюрингцев и саксонцев против сорбов, армию другого своего сына – Карла, состоящую из франков и аламанных, он направил против Ростислава, в то время как Карлманн выступил по паннонскому военному пути в направлении Регенсбург–Вена–Баден–Шопрон (т.е. на юго-восток) против Святополка.¹⁴¹ Только эта последняя армия добилась значительных успехов, когда Святополк, исходя из политических интересов, "вместе со страной, которой он владел", подчинился Карлманну. Таким образом, сконцентрированные силы франков заняли в 870 г. и княжество Ростислава.¹⁴² Интересно, что после подчинения Святополка при франкском дворе вновь появляются *авары*, платящие дань.¹⁴³ Начиная с этого времени, Святополк ввязывается в политическую борьбу северной Моравии, в Великой же Моравии – на образование которой в 870-ых годах указывают и географические уточнения т.наз. Географа Баварского,¹⁴⁴ и Альфреда Великого,¹⁴⁵ а *Conversio*, говорящее о моравцах, живущих над Дунаем, позволяет предполагать, что были и моравы южные¹⁴⁶ – всеми

делами управляет военоначальник. Об этом управляющем – очевидно речь идет о самостоятельной территории – Ибн Руста замечает следующее: "Имя их начальника Субандж. Ему они подчиняются, его приказы выполняют. Живет он в центре страны славян. Самый знаменитый из них – это упомянутый муж, которого называют начальником начальников и которого зовут Святополк (Sz.w.jj.t.b.l.k). У него более высокий ранг, чем у Сумбаджа, последний является его заместителем."¹⁴⁷ Святополка, значит, во время создания этого описания, нет в упомянутой провинции, за него правит находящийся в его резиденции Субандж. (Возможно, он хотел так, – т.е. признав власть болгар, и сохранив свою независимость от франков, воспрепятствовать созданию франко-болгарского союза против моравцев.) В имени Сумбадж не трудно узнать титул военного начальника района, облагаемого данью, спанбад, введенный в персидской империи Корсау Аносирваном I (531–579), и, очевидно, перенятый в свой язык аvaraми в Карпатском бассейне.¹⁴⁸

В источниках сообщается, что в 892 г. Арнульф хотел заключить союз с болгарами против моравцев, и что послы его стремились, обойдя находящуюся на юге Великую Моравию, достигнуть мест назначения и уговорить болгарского властителя хотя бы не давать моравцам соли.¹⁴⁹ Мы не знаем, были ли успешными их старания, но, имея в виду, что венгры почти одновременно нападают в качестве союзников франков и на моравцев, и на болгар, можно сделать вывод, что нет. О том, что в данном случае речь могла идти только о Великой Моравии, свидетельствует сообщение о том, что венгры начали требовать себе северную Моравию с ее народом лишь после смерти Арнульфа.¹⁵⁰

Когда же затем в 894 г. Святополк завещает свою землю сыновьям, Моймир II получает территорию теперешней Западной Словакии, Святополк II – Моравию, а третий сын, которого очевидно звали Предславом – получает Великую Моравию.¹⁵¹ Значит, по смерти Святополка после 894 г. Предслав мог быть тем правителем, которого венгры встретили на Алфельде и которого,

поскольку они его "обманули", окрестили Шуланом (чалан = обман).¹⁵²

С кем же, собственно говоря, заключили договор венгры?

9. При ответе на этот вопрос мы должны сослаться на предупреждение Густава Венцеля, сделанное в 1850 г., о том, что обретение венграми родины делится на два отрезка: 1. символическое занятие земли, 2. завоевание земли с помощью оружия.¹⁵³ Оба события имели место в 895 г., т.е. после смерти Святополка. Значит, в обоих случаях потерпевшим был Шулан (Чалан), т.е. Предслав. С ним венгры вели переговоры, добыв из его земли "землю, траву и воду". Белого коня они тоже отвели к нему, но не ему в подарок. По белому цвету коня он должен был догадаться, что конь предназначался в дар духу его отца, Святополка – исконного властителя этой территории.

У родственных нам народов вплоть до наших дней сохранился старинный обычай при перемене места жительства, при занятии новых территорий приносить жертву предполагаемому прежнему владельцу, "господину старого кладбища", в качестве выкупа и соблюдать определенный, отражающий беды, ритуал.¹⁵⁴ В конечном итоге это же сделали и наши предки. Их обычай прекрасно освещает одна легенда буковинских секейцев: "Аттила сражался с гуннами против императора Восточного и Западного. Большая была у того армия, но и эти сражались вместе со своими духами. И так побили они императора Восточного и Западного и победили. Знаю об этом только, что место, где они шли, называется путем Сражений, что Млечный путь называется путем Сражений. По нему и шли эти духи."¹⁵⁵ Отвлекаясь теперь от истории гуннов, отметим, что и наши предки времен обретения родины верили, что духи их предков борются вместе с ними. Однако, когда им пришлось в панике бежать из междуречья Этела и оставить там без надзора могилы предков и жертвенные рощи, по их верованиям эти духи не последовали за ними, чтобы помогать им в битвах.¹⁵⁶ Они, значит, оказались в невыгодном положении по сравнению с Шала́ном (Предлавом), которому помогал дух его могущественного предка – Святополк со своей невидимой дружиной.

Первым актом обретения родины, реализовавшимся в приношении белого коня, было заключение договора со Святополком. Поскольку здесь заключается сделка с духом, естественно, что должны быть опущены также известные и из византийских заключений договоров эпизоды, как кровный союз и разрубление собаки, ведь одна из сторон, поскольку это мертвец, не в состоянии ни пролить свою кровь, ни поднять меч на собаку. Принявший дар законный наследник (Предслав-Шалан) позднее догадывается обо всем, и тогда ему уже не остается сделать ничего другого, кроме как принести в жертву коня тому, кому он был предназначен – Святополку. Дух-предок теряет право и возможность выступить на стороне своего наследника. Этот хитроумный дар в сущности является психологическим военным маневром: с одной стороны, он влил энергию в ранее потерпевших поражение и павших духом венгров, с другой же стороны, он вызвал страх в рядах их противников, внушая мысль о роковом для них исходе боя (ведь даже их предки отвернулись от них).

Таким образом, вопрос мог быть решен или соглашением живых, или с помощью оружия. Моравский князь, как известно, договорился с союзниками и выбрал оружие. Последовало второе действие обретения родины – война, которую теперь выиграли обладающие психологическим (и военным) преимуществом венгры. Спасаящийся после решительного столкновения моравский князь утонул в Тиссе или в Дунае. Это обстоятельство также исключает его тождество со Святополком, который умер совсем по-другому. Становится вполне понятным также, почему, когда франки, венгры и поляки делили между собой северную Моравию, фигурировали только двое сыновей (Моймир II и Святополк II) Святополка: ведь третий сын (Предслав) погиб задолго до этого.

К сожалению, доводы, построенные на отрывках из древних легенд – как это обычно бывает с письменными памятниками – зыбки, однако, они, возможно, достаточны для того, чтобы в качестве рабочей гипотезы выдвинуть некоторые положения:

Мы предполагаем, что женитьба Святополка в одном из южно-алфельдских ханств (аварском или оногурском), находящемся под болгарским началом, была сначала залогом фран-

ко-болгарского мира, а затем и мораво-болгарского сотрудничества. На указанной территории болгарская власть могла быть лишь очень слабой, она могла распространяться лишь на провинцию трансильванских соляных копей, населенную крепко удерживаемыми в руках поселенцами-болгарами и вытесненными из Великой Моравии на восток абодритами (остерабтрези), а также на путь доставки соли.¹⁵⁷ Святополк, этот "князь, питавшийся лишь одним лошадиным молоком", ¹⁵⁸ очевидно, попытался в 870-880-х годах объединить находившиеся под его властью территории, но скоро отказался от этого, чтобы сохранить хорошие отношения с болгарами; таким образом, находящаяся в южной части Великая Моравия до конца (и еще во время правления его сына, Предслава) относилась к болгарской сфере влияния. Обретающие же родину венгры эту страну откупали не у Святополка, а у его духа за белого коня, а затем захватили ее с оружием в руках.

Легенда о белом коне, т.е. история обретения родины венграми, таким образом, является очень важным и достоверным источником, который может прийти нам на помощь в раскрытии других слоев легендарной традиции, и в то же время она верно освещает не только военные походы наших предков, но и их верования.¹⁵⁹

КРАТКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Lischev, S.: Zur Frage über die Lage der Stadtgemeinden in den Feudalstaaten der Balkanhalbinsel (X-XV. Jh.). *Études Historiques*, 3 (1966). 95-109.; Моор Е.: Az Árpád-monarchia kialakulásának kérdéséhez (К вопросу об образовании монархии Арпадов). *Századok*, 104 (1970). 362-363.; Koszev, D.-Hrisztov, H.-Angelov, D.: *Bulgária története* (История Болгарии). Вр., 1971. 18-19.; Fodor I.: Verecke híres útján... (По славному пути Верецке...). Вр., 1975. 235.; Kristó Gy.: Az alföldi bolgár uralom kérdéséhez a IX. században (К вопросу об алфельдском болгарском владчестве в IX веке). *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae, Dissertationes Slavicae* 14 (1983). 27-37.

² Bálint Cs.: A Dél-Alföld a IX-X. században. A honfoglalás előestéje (Южный Алфельд в IX-X вв. Накануне обретения родины). *Tiszatáj* 30 (1976). № 10. 29-35.; Szőke B.M.:

A Kárpát-medence a magyar honfoglalás előestéjén (Карпатский бассейн накануне обретения родины). Valóság, 22 (1979). № 12. 11.; Christov, Ch.: La Bulgarie – 1300 ans d'histoire. Sofia, 1980. 28.; Szádeczky-Kardoss S.: A Közép-Duna-medence Árpád előtt (Среднедунайский бассейн до Арпада). [= Fejezetek a régebbi magyar történelemből (Главы из древнейшей венгерской истории). I. (под редакцией Makk F.) Вр., 1981.] 18–20.; Kristó Gy.: A 10. századi Erdély politikai történetéhez (К истории политики Трансильвании в X веке). Századok, 122 (1988). 30–34.

³ Szegfű L.: Vata népe (Народ Вата). Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae, Acta Historica 67 (1980). 12–14.

⁴ Опустелая провинция: Huber, A.: Ausztria története (История Австрии). Вр., 1899. I. 70, 80.; Magyarország története (История Венгрии). (гл. редактор Székely Gy.) I. Előzmények és magyar történet 1242-ig (Предшествующие события и венгерская история до 1242 г.). (под редакцией Bartha A.) Вр., 1984. 372.

Провинция со значительным населением: Szádeczky-Kardoss S.: Über etliche Quellen der awarischen Geschichte des neunten Jahrhunderts. [= Les questions fondamentales du peuplement du Bassin des Carpathes du VIIe au Xe siècle. (red. Gerevich L.) Вр., 1972.] 115–123.; Makkay J.: A magyarság keletkezése (Датирование венгров). Вр., 1993. 34–35.

⁵ С распространением моравов с севера на юг: Ratkoš, P.: Die grossmährischen Slawen und die Altmagyaren. [= Das Grossmährische Reich. (red. Gaus, F.–Filip, J.–Dostal, A.) Praha, 1966.] 227–228.; Havlik, L.: Morava v 9–10. století. Praha, 1978. 96–99.; см. также: Cs.Sós Á.: Die slawische Bevölkerung Westungarns im 9. Jahrhundert. Wiesbaden, 1973. 52–62.; с распространением с юга на север: Boba, I.: Moravia's History Reconsidered. The Hague, 1971.; Püspöki Nagy P.: Nagymorávia fekvéséről (О расположении Великой Моравии). Valóság, 21 (1978). № 11. 60–82.; в результате империобразующей политики Святополка, отправившегося из южной Великой Моравии, с 871–873 гг.: Senga T.: Morávia bukása és a honfoglaló magyarok (Распад Моравии и обретающие родину венгры). Századok, 117 (1983). 307–345.

⁶ Catalogus fontium historiae Hungaricae aeo ducum et regum ex stirpe Arpad descendunt ad anno Christi DCCC usque ad annum MCCCII. (ed. Gombos, A.) Вр., 1937–1938. – в дальнейшем: CFH – 2039.; A magyarok elődeiről és a honfoglalásról (О предках венгров и об обретении родины). (под редакцией Györffy Gy.) Вр., 1975. – в дальнейшем: МЕН – 208.

⁷ CFH 132.; МЕН 211.

⁸ Bőrbanszületett Konstantin: A birodalom kormányzása (Константин Багрянородный: Управление империей). (ed. Moravcsik Gy.) Вр., 1950. 180–181.

⁹ CFH 801.

¹⁰ CFH 157, 216, 314, 1301.

¹¹ CFH 538, 818, 2108.

¹² CFH 813–814.

¹³ CFH 528.

¹⁴ CFH 135.

¹⁵ CFH 1989.

¹⁶ H.Tóth I.: Konstantin-Cirill és Metód élete és működése (Жизнь и деятельность Константина-Кирилла и Мефодия). Bp., 1981. 181.

¹⁷ CFH 463.

¹⁸ Ср. списку 8.

¹⁹ Marczali H.: Magyarország története (История Венгрии). Bp., 1911. 41–42.

²⁰ Macartney, C.A.: Studies on the Early Hungarian Historical Sources. Bp., 1940. 169.

²¹ Sebestyén Gy.: A magyar honfoglalás mondái (Легенды времен обретения родины). I–II. Bp., 1904–1905. – цитата: 2:89.

²² Képes G.: A magyar ősköltészet nyomairól (О следах древней венгерской поэзии). Irodalomtörténeti Közlemények, 68 (1964). 186.

²³ László Gy.: Árpád népe (Народ Арпада). Bp., 1988. 126–128.

²⁴ A magyar irodalom története (История венгерской литературы). (под редакцией: Sőtér I.) I. A magyar irodalom története 1600-ig (История венгерской литературы до 1600 г.). (под редакцией: Klaniczay T.) Bp., 1964. 25.

²⁵ Szűcs J.: Nemzet és történelem (Нация и история). Bp., 1974. 355–356.

²⁶ Bartha A.: A IX–X. századi magyar társadalom (Венгерское общество IX–X вв.). Bp., 1968. 146.

²⁷ Sándor I.: Fehér ló mondája (Легенда о белом коне). [= Magyar Néprajzi Lexikon. гл. редактор: Ortutay Gy. II. Bp., 1979.] 93–94.

²⁸ Horváth J.: Árpád-kori latinnyelvű irodalmunk stílusproblémái (Стилистические проблемы латиноязычной литературы эпохи Арпада). Bp., 1954. 293.

²⁹ I.Tóth Z.: Tuhutum és Gelou (Tohutum и Gelou). Századok, 79–80 (1945–1946). 38–39.; Györffy Gy.: Honfoglalás előtti népek Anonymus Gesta Hungarorumában (Народы до обретения родины в Gesta Hungarorum Анонимуса). Ethnographia, 76 (1965). 416.; Györffy Gy.: A fehér-ló monda háttere (Фон легенды о белом коне). Élet és Tudomány, 33 (1978). 1452.; Thuróczy János: A-magyarok krónikája (Хроника венгров). (перевод: Horváth J.) Bp., 1980. 459.

³⁰ I.Tóth: ук. раб. 38–39.; Györffy Gy.: Krónikáink és a magyar őstörténet (Венгерские хроники и венгерская древнейшая история). Bp., 1948. 94.; Györffy Gy.: ук. раб. (1965) 417.; Csóka J.L.: A latin nyelvű történeti irodalom kialakulása Magyarországon a XI–XIV. században (Формирование латиноязычной исторической литературы в Венгрии в XI–XIV вв.). Bp., 1967. 450.

³¹ Györffy: ук. раб. (1965) 417.

³² Marczali H.: A magyar történet kútforrásai az Árpádok korában (Источники венгерской истории в эпоху Арпада). Bp., 1880. 52.; I. Tóth: ук. раб. 39.; Csóka: ук. раб. 382.; A magyar folklór (Венгерский фольклор). (под редакцией: Ortutay Gy.) Bp., 1979. – в дальнейшем: MF – 139.; Magyar Néprajz (Венгерская этнография). V. Magyar népköltészet (Венгерский фольклор). (под редакцией: Vargyas L.–Istvánovits M.) Bp., 1988. – в дальнейшем: MN – 159.

³³ Sebestyén: ук. раб. 2:89.; Györffy: ук. раб. (1948) 85.

- ³⁴ Kristó Gy.: Ősi epikánk és az Árpád-kori íráshagyomány (Древняя эпика и письменная традиция эпохи Арпада). *Ethnographia*, 81 (1970). 119–123.
- ³⁵ Solymosy S.: Lél-vezér kürt-mondája (Легенда о роге предводителя Леля). *Ethnographia*, 40 (1929). 20.
- ³⁶ Solymosy S.: Monda (Легенда). [= A magyarság néprajza. под редакцией: Visky K. III. Bp., 1934.] 172–174.; Györffy: ук. раб. (1965) 417.
- ³⁷ MF 138–139.
- ³⁸ I.Tóth: ук. раб. 37.
- ³⁹ Kardos T.: Régi magyar drámai emlékek (Памятники старинной венгерской драмы). I. Bp., 1960. 23.
- ⁴⁰ Bartha A.: Hozzászólás Mályusz Elemér előadásához (К докладу Элемера Майуса). *Történelmi Szemle*, 6 (1963). 57.
- ⁴¹ MF 267.
- ⁴² Diószegi V.: A pogány magyarok hitvilága (Верования венгров-язычников). Bp., 1973.; Mítosz és történelem (Миф и история). (под редакцией: Horpál M.–Istvánovits M.) Bp., 1978.; Dömötör T.: A magyar nép hiedelemvilága (Мир верования венгерского народа). Bp., 1981.
- ⁴³ László Gy.: Hunor és Magyar nyomában (По следам Хунора и Мадьяра). Bp., 1967.; Dienes I.: A honfoglaló magyarok (Обретающие родину венгры). Bp., 1974.; Dümmerth D.: Az Árpádok nyomában (По следам Арпадов). Bp., 1977.
- ⁴⁴ *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. I–II. (под редакцией: Szentpétery, E.) Bp., 1937–1938. – в дальнейшем: SRH – цитата: SRH 1:287–290.; Перевод, сделанный на основе "Képes Krónika (Иллюстрированная хроника)". (перевод: Bellus I.) Bp., 1987. 45–46.
- ⁴⁵ Jordanes: A gótok eredete és tettei (Происхождение и дела готов). (перевод: Bokor J.) Brassó, 1904. 39.
- ⁴⁶ Widukind: *Res gestae Saxonicae*. [= Monumenta Germaniae Historica. ed. Pertz, G.H. Script. t. III. Hannoverae, 1839.] 418.; Csóka: ук. раб. 383–386.
- ⁴⁷ Heller B.: A fehér ló mondájának egy arab párdarabja (Арабский вариант легенды о белом коне). *Ethnographia*, 27 (1916). 236–238.
- ⁴⁸ Klaniczay: ук. раб. 25.
- ⁴⁹ Ipolyi A.: Magyar Mythologia (Венгерская мифология). I–II. Bp., 1929. – цитата: 1:315–316.; Sebestyén: ук. раб. 2:85–105.; Horváth: ук. раб. 293.; Fodor I.: Verecke híres útján... (По славному пути Верецке...). Bp., 1975. 233.; MF 138–139.
- ⁵⁰ Bartha A.: A honfoglalás (Обретение родины). Bp., 1979. 15.
- ⁵¹ Kristó Gy.: Levedi törzsszövetségétől Szent István államáig (От племенного союза Леведи до государства Св. Иштвана). Bp., 1980. 155, 203–204.
- ⁵² Ipolyi: ук. раб. 1:315–316.; László Gy.: "Felledet adtad fejér lovan..." ("Отдал землю за белого коня..."). [= Számadás népünkéről. Bp., 1986.] 157.
- ⁵³ Györffy: ук. раб. (1978) 1452–1453.

⁵⁴ Bartha: ук. раб. (1979) 15.; Kristó: ук. раб. (1980) 155.; Juhász P.: A totemizmus csökevényei a magyar és a bolgár hiedelemvilágban (Остатки тотемизма в венгерских и болгарских верованиях). [= Tanulmányok a bolgár-magyar kapcsolatok köréből. под редакцией: Dobrev, Cs.-Juhász P.-Mijatev, P. Вр., 1981] 146, 157-158.; Magyarország története (История Венгрии). 1/1. Magyarország története. Előzmények és magyar történet 1242-ig (История Венгрии. Предшествующие события и венгерская история до 1242 г.). (под редакцией: Székely Gy.-Bartha A.) Вр., 1984. 589-590.

⁵⁵ CFH 1230.

⁵⁶ László: ук. раб. (1988) 128.

⁵⁷ Bahrusin, Sz.N.: Osztják és vogul fejedelemségek a XVI-XVII. században (Княжества остяков и вогулов в XVI-XVII вв.). [= A vízimadarak népe. под редакцией: Gulya J. Вр., 1975.] 61.; Ср. еще: Bartha A.: A magyar nép őstörténete (Древнейшая история венгерского народа). Вр., 1988. 341.

⁵⁸ CFH 2200.; МЕН 220.

⁵⁹ SRH 1:40-41.; клятва половцев: SRH 1:46.; Thuróczy: ук. раб. 459.

⁶⁰ Об этом подробнее: Szegfü L.: Ősi szellemi örökségünk (Наше древнее духовное наследие). (в печати)

⁶¹ Ipolyi: ук. раб. 1:316, 2:277-278.; Munkácsi B.: A régi magyar lovastemetkezés keleti változatai (Восточные варианты старинных венгерских обрядов захоронения всадников). Ethnographia, 7 (1896). 297-323.; Sebestyén: ук. раб. 2:103-104.; Szendrey Á.: Az ősmagyar temetkezés (Древние венгерские захоронения). Ethnographia, 39 (1928). 19-21.; Szendrey Á.: A magyar áldomás ("Вспрыскивание" удачи у венгров). Ethnographia, 53 (1942) 123-131.; Bálint Cs.: A ló a magyar hitvilágban (Конь в венгерских обрядах). A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 1970. 31-42.; Bálint Cs.: A honfoglalás kori lovastemetkezések (Захоронения всадников в эпоху обретения родины). A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 1971. 2:85-103.; MF 419.; Dömötör: ук. раб. 35.; MN 125-126.; László: ук. раб. (1988) 53-55.

⁶² SRH 1:46-47.

⁶³ SRH 1:54, 81.

⁶⁴ SRH 1:59.

⁶⁵ SRH 1:288.

⁶⁶ SRH 2:32.

⁶⁷ SRH 2:130.

⁶⁸ CFH 442.; Csóka: ук. раб. 449-450.; László: ук. раб. (1986) 157-158.

⁶⁹ Makkai L.-Mezey L.: Árpád-kori és Anjou-kori levelek (Письма эпохи Арпада и эпохи Анжу). Вр., 1960. 115.; Gyallay D.: A fehér ló szerepe a székely hagyományban (Роль белого коня в секейской традиции). Ethnographia, 73 (1962). 389-403.; Csóka: ук. раб. 450.

⁷⁰ Munkácsi: ук. раб. 298.

⁷¹ Rásonyi L.: A székely név eredete (Происхождение наименования "секей"). Magyar Nyelv, 56 (1960). 188.; Berze Nagy J.: Magyar népmesetípusok (Типы венгерских народных сказок). II. Pécs, 1957. 291.

⁷² Sebestyén: ук. раб. 2:102–103.

⁷³ László: ук. раб. (1986) 158.

⁷⁴ A magyarok története (История венгров). (Tarih-i Üngürüz. Madzsar Tarihi). (перевод: Blaskovics J.) Вр., 1982. 170.; к вопросу о роли серебряного знака, László: ук. раб. (1986) 151–159.; Mesterházy K.: Nemzeti szervezete és az osztályviszonyok kialakulása a honfoglaló magyarságnál (Национальный союз и формирование классовых отношений у обретающих родину венгров). Вр., 1980. 112.

⁷⁵ MN 34.

⁷⁶ Jordanes: ук. раб. 116.

⁷⁷ Herodotosz történeti művei (Исторические труды Геродота). IV–VI. (перевод: Geréb J.) Вр., 1893. 4:126 (р. 48), 5, 18 (р. 80); Ipolyi: ук. раб. 1:288.; 2:278.; Binder J.: A fű mint a hódolás jelképe (Трава как символ преклонения). Ethnographia, 13 (1902). 287.; Sebestyén: ук. раб. 2:94–95.; Takács L.: Hant-átadás mint a birtokbavétel jele (Передача кома земли как знак владения ею). Ethnographia, 94 (1983). 573–577.

⁷⁸ Munkácsi B.: Votják népköltészeti hagyomány (Традиции народной поэзии у вотяков). Вр., 1887. 27.; Sebestyén: ук. раб. 2:85–118.; Heller: ук. раб. 236.; Horváth: ук. раб. 459.

⁷⁹ Ipolyi: ук. раб. 2:212.; Sebestyén: ук. раб. 2:85–89.; Molnár E.: A magyar társadalom története az őskortól az Árpádkorig (История венгерского общества от древних времен до эпохи Арпада). Вр., 1945. 40.; Kristó: ук. раб. (1970) 122.

⁸⁰ Szegfű L.: Szent István és a népmesék (Св. Иштван и народные сказки). Tiszatáj, 42 (1988). № 8. 60–67.

⁸¹ SRH 1:289.; Sebestyén: ук. раб. 2:104–105.

⁸² Sebestyén: ук. раб. 2:92–93.

⁸³ SRH 1:164, 282.

⁸⁴ CFH 2199.; MEH 219.

⁸⁵ Boba: ук. раб.; Püspöki Nagy: ук. раб.; Szegfű: ук. раб. (1980); Kristó: ук. раб. (1980) 161–165.; Senga: ук. раб.

⁸⁶ SRH 1:53–54.

⁸⁷ Annales Regni Francorum inde ab a. 741 usque ad a. 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi. (ed. Kurze, F.) Hannoverae, 1895. 80–84, 87–91, 93, 96–103. Szádeczky-Kardoss S.: A Kárpát-medence IX. századi történetének néhány forrásáról (О некоторых источниках истории Карпатского бассейна IX в.). [= Szegedi Bölcsész-műhely '82. (под редакцией: Róna-Tas A.) Szeged, 1983.] 191–210.; Szeged története (История Сегеда). 1. A kezdetektől 1686-ig (От начала до 1686 г.). (под редакцией: Kristó Gy.) Szeged, 1983. 206–207.; Kristó Gy.: A Kárpát-medence és a magyarság régmúltja /1301-ig/ (Дальнее прошлое Карпатского бассейна и венгров /до 1301 г./). Сегед, 1993. 35.

⁸⁸ Annales Regni Francorum (ук. раб.) 108–109.; Makkay J.: A magyarság keletkezése (Датирование венгров). Вр., 1993. 105.; Kristó: ук. раб. (1993). 35.

⁸⁹ Bevezetés a magyar őstörténet kutatásának forrásaiba (Введение в источниковедение по венгерской древнейшей истории). I:1. (под редакцией: Hajdu P.–Kristó Gy.–Róna-Tas A.) Вр., 1976. 115, 117–118.; Erdély története (История Трансильвании). (гл. редактор:

Köpeczi B.) I. A kezdetektől 1606-ig (От начала до 1606 г.). (под редакцией: Makkai L.–Mócsy A.) Bp., 1986. 190–194, 574–575.; Mesterházy K.: Bizánci és balkáni eredetű tárgyak a 10–11. századi magyar sírleletekben (Предметы византийского и болгарского происхождения в венгерских захоронениях X–IX вв.). *Folia Archaeologica*, 41 (1990). 87–115 и 42 (1991). 145–177.

⁹⁰ Krlstó Gy.: Opponensi vélemény Bálint Csanád: Délmagyarország a X. században c. kandidátusi értekezéséről (Оппонентский отзыв о диссертации Bálint Csanád: Южная Венгрия в X в). *Archaeologiai Értesítő*, 105 (1978). 127–129.; Makkay: ук. раб.

⁹¹ *Annales Regni Francorum* (ук. раб.) 149–150, 159, 164–165.; Huber, A.: *Ausztria története* (История Австрии). I. Bp., 1899. 87–89.; Szegő L.: *Röszke község története a IX. század közepétől a mohácsi vészig* (История села Реске с середины IX в. до поражения под Мохачем). [= *Röszke története* (История Реске). (под редакцией: Péter L.) Szeged, 1993.] (в печати)

⁹² *Annales Regni Francorum* (ук. раб.) 165–169.

⁹³ *Monumenta Poloniae Historica* (ed. Bielowski, A) I. Warszawa, 1960. (reprint) 10–11.; *Index scriptorum novus mediae Latinitatis ab anno DCCC usque ad annum MCC.* (ed. Blatt, F. et alii.) Hafniae, 1973. 106.

⁹⁴ *A magyar honfoglalás kútfoi* (Источники изучения венгерского обретения родины). (под редакцией: Pauler, Gy.–Szilágyi S.) Bp., 1900. 310–311.; *Magyarország története* (История Венгрии). (ук. раб.) I:1, 366.

⁹⁵ *Bíborbanszületett Konstantin* (Константин Багрянородный) (ук. раб.) 176–177.

⁹⁶ CFH 2199.

⁹⁷ МЕН 88.

⁹⁸ *Bíborbanszületett Konstantin* (Константин Багрянородный) (ук. раб.) 176–193.

⁹⁹ *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*. I. (ed. Fejér, G.) Budae, 1829. 159–165. etc.; *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. VIII. (ed. Pertz, G.H.) Hannoverae, 1844. 574.

¹⁰⁰ *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. I. (ed. Pertz, G.H.) Hannoverae, 1825. 367–368, 488.; *Monumenta Germaniae Historica IX.* (ed. Pertz, G.H.) Hannoverae, 1846. 565.

¹⁰¹ Magyar I.L.: "Quaestio Bulgarica". (A kereszténység felvétele Bulgáriában /Принятие христианства в Болгарии/.). *Századok*, 116 (1982). 844–847.

¹⁰² *Püspöki Nagy*: ук. раб. 65, 81.; Это, безусловно, диктуется необходимостью концентрации сил и поддерживается *Анналами Lamperti*, а также *Анналами Weissenburgenses* (*Lamberti monachi Hersfeldensis opera. Accedunt Annales Weissenburgenses.* /ed. Holder-Egger, O./ Hannoverae et Lipsiae, 1894. 28–29.) и *Анналами Altahenses maiores* (ed. E.L.B ab Oefele; Hannoverae, 1891. 6.), но *Хроники Fuldenses* ставят это под вопрос (ср. *MGH SS I. 371*: "mittendos... alterum vero [exercitum] per Hlodowicum, filium suum minoren, in Abodritos et Linones"), ведь дело в том, что *Linones* в то время – покоренный абодритами народ Мекленбургской провинции. Разумеется, нельзя исключить, что поход оказался перенесенным на север из-за умничания составителя *Анналов* или из-за применения им стереотипов (ср. *Annales Regni Francorum* /ук. раб./ 125, 135.), и что на самом деле речь идет о выступлении, направленном против Южно-Алфельдских абодритов.

¹⁰³ CFH 2199; SRH 1:164, 282.

¹⁰⁴ Magyarország története (История Венгрии) (ук. раб.) I:1, 367.; Kristó: ук. раб. (1993). 37.

¹⁰⁵ Bihorbanszületett Konstantin (Константин Багрянородный) (ук. раб.) 118–119, 124–125.

¹⁰⁶ CFH 58.

¹⁰⁷ SRH 2:30. I.Tóth Z.: Tuhutum és Gelou (Tuhutum и Gelou). Századok, 79–80 (1945–1946). 52–60.; Képes Krónika (Иллюстрированная хроника). (Bellus: ук. раб.) 286.; Географическая работа начала XIV в., показывающая Юго-восточную Европу: Descriptio Europae Orientalis. (перевод: Borzákné Nacs M.–Szegefi L.) Acta Academiae Pedagogicae Szegediensis 1987–1988. Ser. Marxist. et Hist. Szeged, 1988. 22.

¹⁰⁸ SRH 1:163, 281.

¹⁰⁹ SRH 1:160, 275.

¹¹⁰ Eckhardt S.: A pannoniai hun történet keletkezése (Зарождение истории паннонских гушнов). Századok, 61–62 (1927–1928). 465–491, 605–632.

¹¹¹ SRH 1:172, 315.

¹¹² SRH 1:48.

¹¹³ SRH 1:53, 80–93.

¹¹⁴ SRH 1:45, 48, 53–54.

¹¹⁵ SRH 1:49, 89–91.

¹¹⁶ См. список 107 (Borzákné-Szegefi: ук. раб. 22.)

¹¹⁷ Macartney, C.A.: Pascua Romanorum. Századok, 74 (1940). 1–11.

¹¹⁸ SRH 1:48.

¹¹⁹ CFH 2199.; A magyar honfoglalás kútfoi (Источники изучения обретения родины) (ук. раб.) 306–308.

¹²⁰ SRH 1:163, 281.; Эти 10 лет в действительности составляли бы около 400 лет (см. Képes Krónika /Иллюстрированную хронику/ /ук. раб./ 287.).

¹²¹ SRH 1:163.

¹²² SRH 1:281.

¹²³ Eckhardt: ук. раб. 607.; Thuróczy János: A magyarok krónikája (Хроника венгров). (перевод: Horváth J.) Вр., 1980. 448.; Képes Krónika (Иллюстрированная хроника) (Bellus: ук. раб.) 280, 283.

¹²⁴ Graesse, B.P.: Orbis Latinus. (Lexikon lateinischer geographischer Namen des Mittelalters und der Neuzeit.) I. Braunschweig, 1972. 200, 319.

¹²⁵ Sebestyén: ук. раб. 1:262; 2:103.

¹²⁶ SRH 2:24.

¹²⁷ Olajos T.: Adalék a (H)ung(a)ri(i) népnév és a késői avarkori etnikum történetéhez (Дополнение к истории названия народа (H)ung(a)ri(i) и к истории этнической группы позднего аварского периода). Antik Tanulmányok, 16 (1969). 87–90.

¹²⁸ Püspöki Nagy: ук. раб. 79, 82.

¹²⁹ SRH 1:155.

¹³⁰ SRH 1:267–268.; SRH 2:24, 123.

¹³¹ *Chronica Hungaro-Polonica, Pars I. (Textus cum varietate lectionum)*. (ed. Karácsonyi B.) *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae, Acta Historica*, 26 (1969). 12–14.; Sebestyén: ук. раб. 1:460.

¹³² SRH 1:275; SRH 2:28, 60.

¹³³ Фасмер, М.: *Этимологический словарь русского языка*. I. Москва, 1964. 206.; *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. (ed. Срезневский И.И.) Санктпетербургъ, 1893. 165.

¹³⁴ Györffy: ук. раб. (1948). 19–21.

¹³⁵ Sebestyén: ук. раб. 2:91–92.

¹³⁶ Schröfl, A.: *Der Urdichter des Lieder von den Nibelungen*. München, 1929.

¹³⁷ *Magnae Moraviae Fontes Historici. I–V*. (ed. Bartoňková, D.–Havlík, L.–Masařík, Z.–Večerka, R.) Praha–Brno, 1966–1976. – в дальнейшем: MFH; цитата MFH 2:143–144.; *Pannoniai legendák* (Паннонские легенды). (перевод: Kováts P.) Bratislava–Budapest, 1978. 90–91.

¹³⁸ *Annales Fuldenses siue Annales Regni Francorum Orientalis*. (ed. Kurze, F.) Hannoverae, 1891. 56.; Magyar: ук. раб. 845–848.; *Monumenta Germaniae Historica* (ук. раб.) I. 374–375, 465.

¹³⁹ MFH 2:144–146.; *Pannoniai legendák* (Паннонские легенды) (ук. раб.) 91–92.

¹⁴⁰ MFH 2:147–148.; *Pannoniai legendák* (Паннонские легенды) (ук. раб.) 93–95.; Huber: ук. раб. 98.

¹⁴¹ *Annales Fuldenses* (Kurze: ук. раб.) 86.

¹⁴² Там же: 70–72.; Об этом см. Senga: ук. раб. 319–322.

¹⁴³ *A magyar honfoglalás kútfoi* (Источники изучения венгерского обретения родины) (ук. раб.) 304.; Hunfalvy P.: *Magyarország ethnographiája* (Этнография Венгрии). Вр., 1876. 165.; *Magyarország története* (История Венгрии) (ук. раб.) I:1, 353.

¹⁴⁴ См. 93 сноску.

¹⁴⁵ *A magyar honfoglalás kútfoi* (Источники изучения венгерского обретения родины) (ук. раб.) 314–315.

¹⁴⁶ Там же: 309–310.; *Magyarország története* (История Венгрии) (ук. раб.) I:1, 364.

¹⁴⁷ МЕН 94.

¹⁴⁸ Hermann, G.: *A perzsa reneszánsz* (Персидский ренессанс). Вр., 1988. 125–126. 130.

¹⁴⁹ CFH 132.; Kristó: ук. раб. (Levedi... 1980) 160.

¹⁵⁰ CFH 1469.

¹⁵¹ Senga: ук. раб. 334–335.

¹⁵² "Шулан", очевидно, произносился как "Чалан" – от венгерского глагола *csalni* 'обманывать'. Чалан, значит, согласно венгерской легенде, это тот человек, которого наши предки обманули, провели, ввели в заблуждение.

¹⁵³ Venzel G.: *Eszmetörédek a magyar nemzeti hősmonda történettudományi méltatására* (Замечания к научно-исторической оценке венгерской национальной героической легенды). [= *Reguly-Album*. Pest, 1850.] 64–66.

¹⁵⁴ Honko, L.: Finn mitológia (Финская мифология). [= A tejút fiai (Сыновья млечного пути). (под редакцией: Hoppál M.) Bp., 1980.] 197.; Paulson, I.: Az ősök kultusza a permi és a volgai finn népeknél (Культ предков у пермских и волжских финнов). [Там же] 318.; Szmironov, I.Ny.: Cseremisiz /mari/ hiedelmek és áldozatok (Верования и жертвоприношения у черемисов /мари/). [Там же] 312–313.

¹⁵⁵ MN 119.

¹⁵⁶ László Gy.: A honfoglaló magyar nép élete (Жизнь венгерского народа, обретающего родину). Bp., 1944. 237–238.

¹⁵⁷ Erdély története (История Трансильвании) (ук. раб.) 1:189.

¹⁵⁸ Magyarország története (История Венгрии) (ук. раб.) I:1, 641.

¹⁵⁹ Об этом еще: Szegfű L.: Equus fabulosus. [= Tanulmányok Karácsonyi Béla hetvenedik születésnapjára (Сборник, посвященный семидесятилетию Белы Карачони). (под редакцией: Kulcsár P.–Máder B.) Szeged, 1989.] 31–46.; Szegfű L.: Szvatopluk házassága (Брак Святополка). Acta Academiae Pedagogicae Szegediensis. (в печати)